

Вадим Чумаков

Между мирами

повесть - сказка

6+

Вадим Чумаков
Между мирами

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Чумаков В. В.

Между мирами / В. В. Чумаков — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повесть-сказка Вадима Чумакова «Между мирами» печаталась в Петербургском журнале «Невский Альманах» в № 2-6 за 2006 год. Книга предназначена для чтения подростков, юношества и взрослых. Каждый возраст найдёт в ней своё. Главная героиня – Кэти, девочка двенадцати лет. Её родители обладают немалой силой, то, чем они занимаются, можно было бы назвать магией, но в тоже время, это то, что выходит за рамки того, что принято считать магией. Их деятельность, конечно, повлияла и на дочку.

© Чумаков В. В., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

ГЛАВА 1

Над поселением взошло яркое, словно отдохнувшее за ночь солнце. Оно вместе с жителями радовалось приходу весны. Снег полностью растаял, на деревьях стали распускаться первые листочки. Дни становились всё длиннее, и свет побеждал тьму. Это было не временным явлением, не чьей-либо прихотью, а приходом новой эпохи в жизни природы и, конечно же, людей. Не важно, что рано или поздно на смену лету приходит осень с её затяжными дождями и невысказанной и несказанной грустью, ведь всё это пока в будущем и прошлом, а сейчас на сцену вышла весна, и песнь, не так давно начавшаяся, прекрасна.

Как раз сегодня у Кэти выдался день, когда можно было делать всё, что вздумается. Родители уехали по важным делам. Старшая, и даже очень, сестра и братец большую часть времени проводили в городе, и в доме никого не осталось. Не надо было рано вставать и выбираться из уютной комнаты в длинный коридор, смотреть на заспанные и частенько не очень довольные лица брата и сестрицы. Радовало и то, что не было необходимости думать о занятиях. Они жили далеко от города и программа обучения была специфической. Основной упор делался на домашнюю подготовку, которую сегодня было естественно проигнорировать. Успеваемость проверялась с помощью системы зачётов, подумать только, это в начальных классах школы. Хотя требования были довольно жёсткие, они не тяготили Кэти. Учение давалось ей легко не в пример другим ребятам из посёлка, которых подобная система сильно изматывала. Конечно, у них в селении могла бы быть и своя школа, но ради нескольких ребятшек никто не захотел покидать город. Естественно, там был простор для деятельности, а здесь никаких зримых перспектив. Родители решили сами заняться образованием детей, и это устраивало всех. Правда, система зачётов немного портила дело, но в любой бочке мёда должна быть своя капелька дёгтя или хотя бы его видимость.

Несмотря на очевидную возможность расслабиться Кэти не стала валяться в постели часов до девяти-десяти, как это было принято у старшего брата и сестрицы по выходным дням. Встав, она направилась на кухню, конечно, заглянув по пути в ванную. В доме было абсолютно пусто, словно люди покинули его много лет назад. На кухне Кэти поджидал рыжий пёс Малькольм и завтрак: несколько поджаренных, ещё не успевших остыть ломтиков хлеба с ветчиной и сыром. Родители позаботились о ней перед отъездом. Правда, кофе предстояло варить самой. Кэти этому учила мама. Да – да ! Приготовление кофе – это настоящее искусство, которому надо учиться и довольно долго. Некоторые люди постигают эту науку всю жизнь, так и не добиваясь сколько-нибудь серьёзных результатов. Дети, конечно, учатся приготовлению кофе с молоком. Здесь не требуется особого искусства, достаточно иметь чувство меры. Начиная с четырнадцати – шестнадцати лет, в зависимости от успехов, они начинают потихоньку экспериментировать с чёрным кофе. Здесь уже нужно иметь, как говорят, дар от Бога, чтобы изготовить что-либо стоящее. Конечно, Кэти в тайне от родителей экспериментировала с приготовлением чёрного кофе. Правильно изготовленный напиток подобного рода должен быть достаточно слабым, чтобы грубая его составляющая, воздействующая на организм и дающая человеку ощущение бодрости, не скрывала иного, более тонкого и незаметного воздействия, а только оттеняла его.

При варке кофе новичку предстояло учитывать множество тонкостей. Необходимо было использовать воду, специально подготовленную для подобной деятельности, приходилось тем или иным образом считаться с погодными условиями. Более того, если утро не располагало к этому, кофе варить вообще не рекомендовалось. Самым важным было правильно выбрать цель изготовления напитка. Это подразумевало определённый образ мыслей при его варке или проявление каких-либо чувств, эмоций. Самое, пожалуй, интересное, что множество тонкостей, в которых так легко было запутаться новичку, ровным счётом ничего не значили для

специалиста, человека, который научился готовить настоящий кофе. Напиток, изготовленный подобным образом, нужно было и пить по-особому.

Важен был не столько его вкус, сколько общение с изготовленным продуктом. При этом относиться к нему следовало как к одушевлённому существу, являющемуся частью человека, употребляющего напиток. Кэти не утомляло соблюдение множества тонкостей при изготовлении напитка. В некотором смысле она воспринимала это как игру. Правда, мама говорила ей, что при внимательном отношении к изготовлению и употреблению кофе, можно добиться впечатляющих результатов. Конечно, Кэти хотелось добиться тех самых результатов, о которых мама предпочитала особо не распространяться, но очередное утверждение гласило, что ждать ничего не надо, и всё случится само, как следствие затраченных усилий.

Кэти было рановато не только варить, но и употреблять чёрный кофе без молока, по мнению родителей. Девочка считала иначе. Если самой приготовить и выпить совсем чуть-чуть, маленький глоточек, а остальное так и быть пустить под молоко, ничего страшного не случится. Несколько раз Кэти предоставлялась возможность приготовить кофе для старшего брата и сестры. Она даже подавала его им в постель. Изготавливаемый напиток не был оценен по достоинству, поскольку показался слишком слабым. Брат и старшая сестра имели склонность относиться к кофе чисто потребительски. Правда, употреблять чёрный кофе ей не доводилось. Сегодня Кэти планировала наверстать упущенное. Приготовить напиток нужно было по всем правилам, отменный и чуточку волшебный.

Для начала Кэти решила посмотреть, благоприятствует ли сегодняшнее утро изготовлению сколь-нибудь серьёзного напитка. Она подумала, что неплохо узнать, что расскажут об этом облака. Выходить на улицу, не позавтракав, да и что говорить, не придя в себя после сна, не очень хотелось. Кэти раскрыла кухонное окно и, высунувшись, посмотрела на небо. Она не увидела ни облачка. Небо было чистое и свежее, словно отдохнувшее за ночь после вчерашнего дня, который, в общем-то, нельзя было назвать лёгким. Несомненно, это следовало расценивать как благоприятный знак, и он порадовал девочку. Конечно же, она собралась бы варить кофе и, если бы небо застлало тёмные, неподвижные, свинцовые тучи. Затем Кэти раскрыла кухонный шкаф и достала оттуда красивую баночку, в которой хранились кофейные зерна. Поставив её на стол, она полюбовалась рисунком. Белочка, зайчик и другие весёлые звери плясали вокруг ёлки. Картинка вызвала приятные воспоминания о Рождестве. В жестяной баночке были сладости, которые Кэти подарили на праздник. Они были давным-давно съедены, и теперь коробочка пахла кофе. Тем не менее, приятные воспоминания о празднике остались. Кэти аккуратно сняла крышечку и заглянула внутрь. Там, в полумраке, виднелись коричневые кофейные зерна, которые так приятно пахли. Девочка не собиралась брать их все подряд. Им следовало пройти жёсткий отбор и только двенадцати зёрнышкам предстояло послужить для изготовления напитка.

– Здравствуйтесь, мои дорогие, – обратилась Кэти к содержимому банки, – Знаете ли вы кто я такая? – спросила она. Ей показалось, что зёрнышки тихо зашуршали ей в ответ.

– Правильно, я – ваша хозяйка, по крайней мере, сегодня, – сказала им девочка. Она достала из шкафчика блюдо с розовой каймой и веткой сирени и высыпала на него всё содержимое.

Кэти стала внимательно разглядывать кофейные зёрна. Совсем как мама, когда занималась каким-нибудь ответственным делом, например, изготовлением целебных пилюль. Правда, Кэти сама толком не знала ни их предназначения, ни то, как их применять для целительства. На первый взгляд все кофейные зёрна выглядели одинаково, но когда девочка стала смотреть на них особым зрением, оказалось, что среди них не найти при всём желании двух похожих. Каждое жило своей захватывающей, самостоятельной жизнью. Радовалось, грустило и, наверное, вспоминало то время, когда беззаботно висело на кофейном дереве. По правде говоря, в этом зрении, которому её научила мама, не было ничего особого. Просто, смотря на различные

вещи, надо было представлять их живыми, чувствовать их голос, характер и относиться к ним соответствующим образом. При достаточном умении можно было говорить с чем угодно, и, при значительной доле неконтролируемой фантазии, получать сногшибательные результаты. Кэти частенько использовала особое зрение, порой ей приходилось держать себя в руках и сознательно отказываться от него, чтобы мир оставался таким, каков есть, а не превращался в хор всевозможных голосов, постоянно что-то объясняющих и чего-то требующих.

Тем более, Кэти знала, что настроение вещей часто полностью зависит от её состояния. Это позволяло сделать вывод, что до достижения чистоты видения ей далеко, и она склонна, скорее всего, из-за излишней увлечённости, проецировать своё состояние на окружающее.

Как только Кэти стала разглядывать зёрна, будто они стали маленькими живыми существами, она почувствовала их голоса. Конечно, немалую роль здесь играла фантазия девочки. Правда, зёрна заговорили не все, а лишь некоторые, от которых исходил едва уловимый белый свет. Сначала было трудно разобрать что-либо, но вскоре голоса стали звучать согласно, и Кэти смогла уловить не столько слухом, сколько умом.

– Мы готовы помочь тебе, хозяйка. Возьми нас. Мы откроем тебе тайну. Мы научим тебя слушать мир.

Кэти не стала обольщаться насчёт того, что её прямо за одно мгновение многому научат, но выбрала несколько зёрен, от которых исходило наиболее заметное свечение. Всего их оказалось вместо двенадцати семь штук. Они лежали у девочки на ладони, и, казалось, пели радостную песню. Кэти чувствовала, что стоит ещё немного прислушаться, и можно будет разобрать слова. В это мгновение особое зрение пропало. Зёрна перестали светиться, смолкла их весёлая песенка.

Девочка не стала особо расстраиваться по этому поводу. Она уже привыкла к тому, что мир, если на него посмотреть иначе, преобразается ненадолго, а потом принимает своё обычное состояние. Отобранные зёрна Кэти поместила в старую механическую кофемолку и стала вращать ручку мельницы. Конечно, можно было привлечь технику, как это делали брат, сестра или родители, но стадия обучения предполагала немалых затрат внимания на всех стадиях процесса. Во время этой работы Кэти напевала весёлую песенку. Хорошо было бы петь про кофейные зерна, но таких песенок Кэти не знала, а сочинить пока не успела. Сейчас не время было горевать об упущенном. В ход пошла песенка собственного сочинения про пса Малькольма, которая начиналась: «Милый пёс, милый пёс, у тебя холодный нос». Кэти знала, что собака очень любит слушать её.

Сегодня собака слушала её особенно внимательно. Даже уши, которые обычно висели, приподнялись вверх, словно не желая упустить ни слова из песни.

Кэти очень старалась, не то, чтобы девочка ждала чуда, просто её не покидало предчувствие, что должно произойти что-то значительное. Такое часто бывает, когда родителей нет дома. Наконец зёрна были размолоты, наступила самая ответственная часть вполне обычного действия, которое Кэти, благодаря своим стараниям, превратила в необычное действие. У детей, по мнению взрослых, часто обычные будничные процессы непомерно растягиваются и порой обретают сказочный оттенок. Можно долго говорить на тему чрезмерной склонности детей к фантазии, но, скорее всего, дело в ином видении мира. Оно не то чтобы кардинально отличное, но чуточку более яркое и не столь эффективное при выполнении повседневной деятельности.

Недаром Кэти чувствовала некую силу, сокрытую в своём отношении к миру, ту самую, которая укрощала брата, ему уже минуло двадцать лет, в минуты раздражительности и депрессии, к которой он питал слабость, и сестру, когда она всерьёз обижалась на целый мир.

Родителей усмирить вообще было проще простого. Возможно, они тоже были чуточку детьми. За это порой им и доставалось от брата или сестры.

При изготовлении напитка большую роль играет среда, на основе которой он будет произведён. Эту истину Кэти также усвоила от мамы. Говоря простым языком, при изготовлении

кофе следовало подумать о воде. Впрочем, здесь не было особого выбора. Конечно, можно было воспользоваться водопроводом, но была возможность и получше. Примерно раз в неделю родители привозили воду с озера, которая использовалась для особых целей. Например, мама с папой брали её при изготовлении пилюль. Также на её основе делались разные отвары и настои. Такое было возможно именно благодаря особым свойствам воды: в отличие от водопроводной, она почти не протухала и могла сама по себе использоваться как лекарство, причём от разных болезней. У озера было множество различных родников. Вода в них даже на вкус различалась. Одна была свежей и приятной, казалась, никогда ей не напиться вдоволь, другая, наоборот, пугала своим вкусом и имела неуловимый запах, который и сравнить то было не с чем. Он был чем-то похож на дух поздней осени. Родители также привозили воду, которую не давали пить даже Кэти. Доступна всем была только одна вода из родников, которые были широко известны в селении. Родители же знали множество мало кому доступных источников, сокрытых от глаз людских, воду из которых также использовали для различных целей. Приносили её в дом не так часто и хранили в небольших бутылочках в шкафчике, который запирали на ключ.

Кэти, конечно, могла при желании открыть замок, но предпочитала с водой загадочной не связываться. Во-первых, она обладала мощным и непредсказуемым для Кэти действием. Даже от одного неаккуратного обращения с ней можно было заболеть. Во-вторых, не хотелось расстраивать родителей. Пожалуй, самым главным было то, что Кэти так и не удалось наладить контакт с той водой, найти подход к ней. Девочка интуитивно чувствовала это. Один раз Кэти довелось испытать силу воды на себе. Тогда она довольно серьёзно заболела и неожиданно поправилась.

Воду запирали в основном от старшего брата и сестрицы, которые могли употребить её по ошибке. Также прятали её и от младшенького братца, который любил проводить различные эксперименты не меньше, чем сестрёнка, несмотря на малый возраст. Однажды с помощью воды, которую он раздобыл тайным образом, не без участия Кэти, конечно, из заветного шкафчика, ему удалось оживить лягушку, по неосторожности попавшую под колёса грузовика. Дети очень обрадовались и побежали рассказать обо всём родителям, которые не разделили их восторга. Папа, любящий говорить долго и чересчур умно, старательно пытался втолковать Кэти и брату, что поступок пусть и благородный, должен быть в первую очередь обдуманым. Он пустился в рассуждения о карме и опасности нарушения её законов. Мама тоже была недовольна. Как поняла Кэти, проблема была не в том, что с кармой сделали что-то нехорошее. Родителям явно не понравилось, что о деянии их детей в течение получаса узнало всё поселение. С тех пор задвижку на шкафчике заменили замком. В поселении же довольно долго ходили различные слухи, хотя различные маленькие чудеса не были для жителей редкостью.

Сегодня беспокоиться о таинственной воде не было причины. Кэти отлично знала, что шкафчик пуст. Все небольшие запасы родители забрали с собой. Младший брат, Франц, поехал с ними. Кэти вполне устраивала та вода, которой пользовалось всё поселение. Контакт с ней она наладила давно, несколько лет назад, когда впервые искупалась в озере.

Тогда, в примерно в июне, у неё неожиданно возникла сильная аллергия на цветущие травы. Кэти не расставалась с носовыми платками, глаза покраснели и слезились. Конечно, она твёрдо решила ничего не говорить родителям. Правда, домашние быстро заметили признаки аллергии, буквально в тот же день. Мама успокоила Кэти, сказав, что это не болезнь, а очищение организма, которое вполне можно ускорить и облегчить. Девочка думала, что ей, как обычно, приготовят какое-нибудь особое снадобье, но родители ничего делать не стали. Через несколько дней мама разбудила её рано утром и повела на озеро. Путь был не близким. До этого девочка была на озере раза два, с родителями, и дороги не запомнила. Кэти думала, что её хотят напоить особой водой из какого-нибудь тайного родника.

– Ты, наверное, догадалась, зачем мы идём на озеро, дочка? – спросила её мама.

– Ты хочешь напоить меня из особой водой из родника, чтобы я сразу выздоровела.

– Ну что ты, – рассмеялась мама – на озере нет никаких тайных родников, мы идём просто искупаться.

Тут настала пора удивляться Кэти. Хотя вода в озере считалась целебной, купаться в нём считалось крайне опасно. Об этом в селении говорили почти все. Детям дорогу к озеру вообще не показывали и в их присутствии упоминали о нём как можно реже. В то же время, при серьёзных неприятностях воду, привезённую из родников, пили в больших количествах. Детям же её давали особенно часто. Для приготовления пищи и чая воду с озёрных родников не использовали, считалось, что при кипячении она утрачивает значительную часть своих свойств, да и беречь её старались.

Считалось, что воду озера, по видимости, охраняют суровые духи, не допускающие к ней простых смертных. Набрать несколько вёдер – пожалуйста, но купаться – ни в коем случае. Ходило много слухов о смельчаках, которые отваживались плавать в водах озера и исчезали в них навсегда. Именно исчезали, а не тонули. Испарялись на глазах у изумлённых свидетелей.

Мгновенно множество разных страшных историй вспомнилось Кэти, и она чуточку испугалась. Мама, заметив растерянность дочки, улыбнулась.

– Ты зря беспокоишься, дочурка, – сказала она. – Большинство историй, которые ты слышала об озере, – просто глупость, к тому же мы будем купаться вместе.

– Это необходимо для того, чтобы я поправилась? – спросила Кэти.

– Не только, – ответила мама, – Озеро нам сказало, что хочет познакомиться с тобой.

– Я уже ходила к нему несколько раз и знаю его неплохо, – сказала Кэти.

– Теперь и озеро хочет узнать тебя получше. Если знакомство пройдёт удачно, оно будет с тобой дружить.

Тут Кэти пришла в голову вполне, естественная мысль: «Откуда маме всё это известно?» Не успев задать вопрос, она получила ответ.

– Мы дружим с озером, и оно говорит со мной.

– Значит, озеро и со мной станет говорить?

– Надеюсь, когда-нибудь ты станешь понимать его речь, но это произойдёт не сразу, – улыбнувшись, сказала мама.

– А что, озеро говорит на каком-то особом языке, скажи, как ты его слышишь? – поинтересовалась Кэти.

– Это нельзя назвать особым языком, все люди в той или иной степени пользуются интуицией, и им доступно, конечно, не постоянно, понимание многого. Правда, между неожиданными прозрениями и пониманием того, что говорит озеро, есть разница. Если умение пользоваться интуицией подобно обучению новому, незнакомому делу, то разговор с озером – это уже в некотором роде искусство.

Как это случалось при подобных разговорах, Кэти на мгновение показалось, что сейчас мама скажет ей нечто очень важное, откроет тайну, которую никто на земле не знает. И опять на проверку оказалось всё просто и доступно, даже в разговорах с озером не было ничего необычного. Просто нужен был определённый талант, постижение довольно сложного искусства.

Впрочем, чудо произошло. Правда, его было трудно описать и выразить словами, хотя воспоминание об этом было свежо и сейчас. После довольно продолжительного пути мама с дочкой подошли к озеру. Посмотрев на его спокойную гладь, искрящуюся на солнце, Кэти уже что-то почувствовала. Больше всего это походило на радость, для которой вроде и не было особых причин. Кэти захотелось заплакать от счастья, подбежать к озеру и поцеловать его. Мама вполне понимала состояние девочки. Для того чтобы немного успокоиться, они сели возле родника. Мама постелила на землю нежно-розовое полотенце, которое очень нравилось Кэти. Сидеть на нём было приятно. Кэти сразу успокоилась, почувствовала себя уютно, словно после купания в тёплой ванной, после которого мама закутывала её в это розовое полотенце. Оно было таким большим, что накинутое на плечи доставало до пола. Кэти сидела с мамой

возле родника, смотрела на деревья, и острое ощущение необыкновенного восторга сменялось глубоким всё проникающим чувством приятия всего сущего. В этот момент девочка знала, что Бог любит её, и она будет жить вечно. Кэти словно уснула и даже чуть вздрогнула от неожиданности, когда мама осторожно взяла её за руку. Они поднялись с полотенца, и подошли к озеру. Кэти словно не чувствовала своего тела. Она даже не заметила, как оказалась в воде. Внезапно она услышала звуки прекрасной музыки. Светлый и чистый, нечеловеческий голос пел песню. В ней не было слов, звучала энергия, словно родник, утоляющий жажду путника, который много дней провёл без воды, так много, что, казалось, и забыл о её существовании. Кэти поняла, что это поёт озеро.

Когда они вышли из воды, мама сказала:

– Ну, вот ты и познакомилась с озером.

– Теперь я все время буду поддерживать с ним дружеские отношения? – спросила Кэти.

– Да, при желании ты легко сможешь почувствовать состояние озера, даже находясь на большом расстоянии от него, а иногда и пообщаться с ним, – сказала мама.

– Озеро хочет, чтобы это стало нашей тайной, – в голосе Кэти звучали не вопросительные, а скорее утвердительные нотки. – Видишь, ты поняла его абсолютно правильно, – обрадовалась мама.

Кэти невольно вспомнила то своё купание в озере, когда стала набирать воду. Бак, в котором она хранилась, был почти пуст. Воды осталось литра два. «Родители давно не ходили на озеро», – подумала Кэти. Она зачерпнула немного воды для кофе и почувствовала лёгкую тревогу. Что-то было не в порядке, озеро словно хотело предупредить её о важных событиях, или это только показалось. Кэти не стала мучить себя сомнениями, сейчас надо было варить кофе, потом, закончив все неотложные дела, которых, слава Богу, было не так много, можно было бы поговорить с озером, вернее попытаться почувствовать, что случилось. Всё-таки Кэти решила успокоить воду, чтобы тревога не повлияла на напиток, к приготовлению которого она так тщательно готовилась. Девочка несколько раз пролила её через серебряное ситечко, напевая беззаботную песенку собственного сочинения.

Наступил самый ответственный момент. Кэти взяла маленькую красивую турку, налила в неё воды, совсем капельку, и положила размолотый кофе. Сколько раз она мечтала об этом. Совсем одна, бояться некого, мешать никто не будет, вари кофе хоть целую вечность в своё удовольствие. Для того чтобы всё получилось удачно, Кэти попыталась думать о чём-нибудь хорошем. Видимо, она волновалась, потому что в голову лезли слова будущей песенки, рифмующиеся друг с другом – пирожное, мороженное, пирог, сырок, бисквит, спешит. Кэти пыталась представить себе деревья у озера – спокойные, задумчивые, но в голове возникали образы сахарных пряников с ореховой начинкой, горы халвы, залежи зефира в шоколаде, и мелькали картинки с конфетных фантиков. Девочка едва не упустила кофе, хотя стояла рядом с плитой и пыталась следить за происходящим процессом. «Неужели ничего не получится?» – мелькнула у неё мысль, когда она снимала турку с ароматным напитком с плиты. Как обычно, начало было очень удачным, а под конец возникло некоторое разочарование и потеря бдительности.

Кофе получилось мало, и Кэти решила выпить его весь, а молоко потом отдельно. В сущности, какая разница. Ведь если сначала выпить чёрный кофе, а потом молока, то в желудке всё перемешается, и получится всё тот же безвредный кофе с молоком. Как и мама, Кэти в таких случаях не признавала сахара. Выпить кофе правильно было не менее важно, может, даже значительно важнее, чем сварить его. Налив напиток в чашечку, Кэти села за стол. Она представила себе кофейные зёрна, те самые, что светились мягким беловатым светом, и мысленно попросила их помочь. Осторожно пытаясь сохранять полную бдительность, или, по крайней мере, её видимость Кэти подняла чашечку. Рука её чуть дрожала от волнения. Она сделала один маленький глоток, потом другой. Какой изумительный, волшебный вкус был у этого напитка!

– Плесни кофейку, хозяйка, – услышала девочка чей-то голос.

ГЛАВА 2

Доктор Ларсен был известен в поселении, как опытный маг-целитель. К нему, в случае серьёзных неприятностей, шли люди за советом. Доктор Ларсен был уже далеко не молод и любил вспоминать прежние времена. Тогда всё было иначе, жизнь текла не в таком бешеном темпе, как ныне. Главное, и маг, да и сами исцеляемые были другими. Раньше люди, приходящие к его отцу, (доктор Ларсен был потомственным магом), ловили каждое его слово, следовали данным советам и испытывали тайный трепет перед неведомым. Теперь всё было иначе. Благодаря многочисленным книгам, о магии сложилось искажённое представление. У большинства вместо трепета возникает недоверие, и не мудрено. Если люди учатся магии по книжкам и после сдачи каких-то экзаменов получают сертификат, право на работу с силами, о которых они и люди, дающие подобные документы, имеют весьма поверхностное представление – им не очень-то станут доверять. Тем более, что есть медики, творящие чудеса, и психологи, врачующие душу. Выбор велик, многие соединяют магию с научными представлениями и создают невразумительные теории. Самое возмутительное, что они действуют, обладают своей силой и живут своей жизнью. Главное же, магия сама по себе измельчала, она поставлена на поток и часто служит удовлетворению сиюминутных человеческих потребностей.

Доктор часто предавался подобным невесёлым размышлениям особенно теперь, когда ему минуло пятьдесят пять лет. При этом «тогда» постоянно выглядело в более выгодном свете, чем «теперь». Только его не было, казалось, оно ушло очень давно, сотни лет назад. «Теперь» же царило повсюду и вело себя вызывающе, нахально. Временами, Доктор Ларсен с горечью признавал, что магия состарила его. В то время как другие в его возрасте бывали полны планов и надежд, он прожил словно несколько жизней. Будто сверкающая ракета промелькнуло «тогда», и, подобно улитке, медленно ползло «теперь», не предвещая ничего хорошего грядущим поколениям.

Иногда Ларсен признавался себе, что просто устарел. Возможно, магия сыграла с ним злую шутку, она любит это делать, и он не сумел попасть в темп нынешнего времени, перестроить какие-то энергетические структуры, осознать нечто важное. Может, просто не захотел этого делать и предпочёл затеряться постепенно где-то в прошлом. Правда, это были очень тонкие, незаметные процессы. Они давали о себе знать только мимолётной, едва ощутимой тревогой. Внешне-то всё выглядело довольно неплохо. Доктора считали знатоком своего дела и охотно шли к нему за советом. Конечно, из соседних поселений не приходили, просто их не было. Ближайшей точкой, в которой жили цивилизованные люди, был город, причём довольно крупный. Соединялся он с поселением дорогой, довольно плохой, особенно трудно было поддерживать связь в межсезонье. Сейчас, после того как закончилось массовое таяние снегов, это было проще, чем, допустим, в конце марта или самом начале апреля, но проблемы со связью оставались.

Впрочем, это мало заботило доктора, или ему так казалось. Город в его глазах был средоточием всего нового, такого поверхностного и ненадёжного. Того самого, что процветало назло всем прогнозам скептиков и не собиралось уступать место добрым старым временам. Несмотря на это, Ларсен любил ездить в город, прежде это был довольно богатый посёлок, и следы прошлого, как ни странно, сохранились кое-где до сих пор. Доктор любил ходить больше по окраинам, смотреть на старенькие деревянные домишки, сохранившиеся каким-то чудом, стоящие по обеим сторонам мощёных узеньких улочек, по которым и машины то почти не ездили. К стыду своему, доктор, бывая в городе, часто оказывался и в центре, и также самозабвенно бродил по роскошным универсам, любовался на вещи, которые никогда бы не стал покупать и на продукты, которые никогда бы не стал есть. Хотя Ларсен любил кондитерские

изделия, и от последних достижений в этой области едва ли мог отказаться, он считал, что маг подобный ему, прошедший через многое, может позволить себе маленькие слабости.

Прошедшей ночью доктор спал плохо. Всё началось с вечера, к нему в комнату зашёл младший внук, Пер, с которым состоялся довольно серьёзный разговор. Дочь с мужем уехали в город с утра по своим делам. Внук целый день играл с друзьями, а вечером пришёл ночевать к деду.

Речь, как обычно, пошла о чудесах, а точнее, о возможностях магии. Говорить об этом Ларсену было нелегко, поскольку дочь в своё время не пошла по его стопам. Надежды на внуков тоже не оправдались. Старший давно жил в городе, а младший, Пер, всё время пребывал в сомнениях насчет действенности магии. Самое обидное было то, что он как нельзя лучше подходил для продолжения традиции. Пер был умным ребёнком, и интересы его не сосредотачивались вокруг удовлетворения собственных запросов, они были намного шире. Мало того, доктор, сведущий в таких делах, понимал, что у мальчика есть некое чутье, подобным образом проявлялся ещё не раскрытый магический дар. И вместе с этим, мальчик не только не хотел видеть своих возможностей, но и вообще склонен был отрицать какое бы то ни было существование неведомого, неподвластного анализу. Ларсен и сам был в детстве упёртым, но, как ему казалось, не до такой степени. Войдя в комнату деда, Пер начал с порога наступление:

– Знаешь, где я был сегодня?

– Конечно, конечно. Ты играл с ребятами, – добродушно ответил доктор, хотя и чувствовал надвигающуюся грозу.

– Да, и они сказали, что ты – не настоящий маг!

– Что делать. Максимализм свойственен вашему возрасту. Например, ты, Пер, вообще отрицаешь существование магии.

– Это неважно! Мне необходимо знать, что я должен ответить им! Что сказать про тебя? Терпеть и дальше их насмешки, или ты действительно можешь что-нибудь сделать?

– Если бы я был иллюзионистом, конечно, показал бы им пару трюков, но магия – это не иллюзия, её можно изучить, но она не наука. Это высшее искусство, это дар!

Доктор понимал, что доказывать внуку что-либо бесполезно, но подобные рассуждения задевали его. Словно в смеющемся над ним зеркале, отражался всё тот же конфликт между «тогда» и «сейчас». Ларсен чувствовал, что дар медленно, но верно уходит от него. Нужно было с кем-либо из близких и дорогих людей разделить то, что дано было Богом, чтобы остановить процесс, вдохнуть в прежние знания новые опыт и силу.

Этот близкий человек сейчас спорил с ним и не хотел слышать его слов. Доктор понимал, что подобное происходит в жизни часто, что внуку нужно время, но от этого едва ли было легче.

К тому же от Ларсена требовалась реальная помощь. Пер сказал, что заболел непонятной болезнью один из его многочисленных друзей. Мальчика звали Роберто. Ларсен довольно хорошо знал его родителей, и отношения были с ними неважными.

Отец Роберто держался в селении обособленно от большинства жителей, характер у него был неуступчивый, к тому же он был вспыльчив и резок в своих суждениях относительно целительства и магии вообще. Он возглавлял оппозицию, состоящую из человек трех-четырёх, состав постоянно менялся. Эти люди боролись с тяжёлым наследием прошлых времен, конечно, неактивно. К религии они относились с осторожностью и против веры в божественное не выступали, по сути, будучи материалистами. Основной лозунг «сначала возникла материя, а потом разум» они заменили на «разум – одно из проявлений материи». Противостояние их носило не научный, а инстинктивный характер. Отец Роберто верил в медицину, мать его была медсестрой и оказывала людям селения первую помощь при различных неприятностях, в которые они попадали. Тех самых, которые принято называть несчастными случаями. Видимо, деятельность жены и породила в отце мальчика непримиримость в отношении доктора Лар-

сена и других людей, а их на деле было немало, так или иначе связанных с силами, которые принято считать у взрослых неведомыми. Теми самими, благодаря которым вода, побывавшая в руках знающего человека, исцеляет других, а огонь зажжённой вовремя свечи сжигает тоску, хворь и печаль.

Мать Роберто была добрая и разумная женщина, но казалась доктору Ларсену совершенно задавленной мужем, или, иначе говоря, им порабощённой. Да, в отце Роберто таилась некая недобрая сила, способная парализовать волю людей. Сам же мальчик, видно, пошёл в мать, был кроткий и тихий. По рассказу Пера стало ясно, что он болел уже немало дней, и только теперь об этом узнали. Роберто около двух недель не появлялся на улице. Родители говорили, что у него простуда. Видимо, отец надеялся на врачей, но это не помогало, а болезнь имела такое свойство, что хотелось скрыть её от окружающих. Тем не менее, поползли слухи. Вот они и доползли до ушей доктора Ларсена. С одной стороны – не хотелось связываться с отцом, с другой – необходимо было как-то помочь мальчику. Доктор не надеялся, что его искусство оценят по достоинству, скорее на него падут обвинения. Возможно, отец мальчика и сейчас считает, что эта болезнь – результат злого умысла жителей поселения. Это, по большому счёту, не беспокоило Ларсена. Тревожило другое.

Доктор, опытный маг, помогший в той или иной степени большому количеству людей, был не уверен в своих силах. Ларсен сразу после слов Пера составил представление о болезни. Она была связана с проснувшейся нежданно-негаданно силой, противостоять которой было сложно. Вернее, с ней нельзя было бороться, а предстояло взаимодействовать каким-то непонятным образом. Печалило же Ларсена то, что его опасения подтверждались. Сила эта возникла неслучайно и была откликом на происходящие события. Правда, все эти размышления относились к области догадок и предчувствий, но от этого едва ли становилось легче. Они и мешали спать доктору.

Можно было избавиться от бессонницы, выпив один из сильнодействующих целебных порошков для успокоения духа или, в конце концов, использовать свою магическую силу, но Ларсену не хотелось этого делать. Казалось, что мучиться от бессонницы разумней, чем вызвать сон, похожий на забытьё. Несколько раз доктор вставал и пил травяной чай с маленькими кексами, привезёнными из города родителями Пера. Они зачем-то были сделаны разноцветными. Хотя

доктор и признавал, что в этом не было никакого смысла, но бессонной ночью кексы радовали его подобным разнообразием. Сначала он съел красный кекс и выпил липового чаю с добавлением мяты. Под утро, часа в четыре, доктор лакомился зеленым кексом и пил чай из плодов шиповника с добавлением зверобоя. Кексы были довольно недорогими, но в них не использовались синтетические красители, только природные.

Доктору все-таки удалось заснуть, правда, ненадолго. Утром к Перу пришли друзья и, как обычно, подняли шум. Увидев, что дед проснулся, ребяташки пошли играть на улицу, оставив Ларсена в одиночестве.

Доктор, в общем-то, был рад этому, он собирался всерьёз поразмыслить над своими догадками. Конечно, для окончательного диагноза предстояло посетить больного Роберто, попытаться реально оценить степень его заболевания и пути возможного исцеления. Ларсен чувствовал, что по давней привычке, а многие привычки с возрастом как бы обретают вторую жизнь, он будет всеми силами пытаться оттянуть время визита. Уж очень не хотелось встречаться с отцом мальчика. Как опытный маг, он мог почувствовать тот момент, когда дома будет только мать или, на крайний случай, бабушка, но нежданная встреча могла всё равно произойти благодаря какой-либо случайности. Если он изначально должен был столкнуться с отцом мальчика, то, как не крутись, а предстояло пройти и через это испытание. Прийти незванным и нежданным гостем, вызвать раздражение другого человека, и всё ради того, чтобы

совершить доброе дело, которое, в конечном итоге, вряд ли будет оценено по достоинству и вообще понято окружающими.

Тем не менее, Ларсен чувствовал, что идти к Роберто придётся, таково было повеление силы, ведущей его как мага. Более того, предстояло вступить в конфликт с отцом мальчика. Думать об этом не хотелось, и Ларсен стал размышлять о причинах возникновения болезни и её последствиях. Доктор понимал, что пробудилась некая мощная энергия, до этого пребывавшая в покое или вообще бывшая не проявленной, и мальчик стал её первой жертвой. У него возникло стойкое ощущение, что эта, пока непонятная ему болезнь, является предвестницей куда больших неприятностей, с которыми придётся иметь дело, если не разобраться во всём сейчас.

Повествования о тех событиях, достоверность которых установить трудно и опровергнуть также не представляется возможным, как ни странно, многое привносят в нашу жизнь. Они подобно ёлочным гирляндам расцветивают древо бытия в тёмное время суток, скрашивают одиночество, дают простор для общения. Жизнь мага наполнена множеством таких загадочных историй, разобраться до конца в которых он и сам не может. Если они мрачные и печальные, человек не в состоянии привнести радость в окружающий мир, если веселые и волшебные, то ему есть что подарить людям.

Доктор Ларсен унаследовал от отца и бабушки своей очень много самых загадочных и захватывающих историй. Он и сам немало их создал в процессе своего нелёгкого и временами опасного труда. Правда, большая часть оказалось благополучно забыта, но временами они, как нельзя кстати, выплывали из тайников памяти. Когда доктор услышал от внука о загадочной болезни Роберто, ему неожиданно пришла на ум одна из подобных давних историй, рассказанная отцом или даже бабушкой. Была она, конечно, не для лишних ушей и касалась исключительно деятельности магов прошлого, можно даже сказать, магов древности. Правда, какая там древность, лет двести-триста назад. Для энергий, с которыми приходится работать целителям душ человеческих, подобный срок незначителен. Чтобы восстановить историю целиком в более-менее приемлемом виде, нужно было рассказать её кому-то, но слушателей поблизости не было – Пер убежал с ребятами гулять, да Ларсен и не стал бы рассказывать ему ничего. На самом деле людей, с которыми он мог поделиться даже своими историями, было довольно мало.

Делать было нечего, Ларсен заварил себе крепкого чая, достал фотоальбом, тот самый, что подарил внуку на день рождения год назад. Пер большую часть его заполнил фотографиями своих друзей, знакомых, там присутствовали даже фотографии родителей. Доктор быстро нашел то, что требовалось. С фотографии 9 на 12 на мир смотрела маленькая девочка, светлые волосы заплетены в косички, глаза словно раскрыты навстречу миру, на губах радостная улыбка. Она не только дружила с Пером, но и часто приходила к доктору попить чаю с сахарным печеньем или шоколадными конфетами. Часто она приносила сама различные сладости. Пер предпочитал делать вид, что кондитерские изделия ему безразличны, но, наверное, слегка страдал от этого. Именно эту девочку Ларсен и выбрал в качестве благодарного слушателя. Как ее звали нетрудно догадаться. Конечно, доктор мог бы рассказать свою историю и фотографии отца или бабушки, но они, как маги старой закалки, никогда не фотографировались и другим не советовали.

Доктор налил себе крепкого чая, достал разноцветные кексы и, положив фотографию перед собой, начал свой рассказ. По ходу дела приходилось импровизировать, но Ларсен делал это удачно. Фотография, казалось, вдохновляла его.

– События, о которых идёт речь, произошли несколько сотен лет назад, – так Ларсен начал своё импровизированное воспоминание-повествование.

– Нетрудно догадаться, что тогда не было на свете не только меня, но даже и моей дорогой бабушки. Той самой, что поделилась со мной этой историей. Она же услышала её от своего

деда, который, можно сказать, с детских лет начал приобщать её к тайному искусству магии. К нему история пришла от его предка, возможно, того самого, который и был свидетелем загадочных событий, наложивших отпечаток не только на магов древности, но и на тех, кто ныне занимается этой нелегкой, но почётной деятельностью. В те времена магия в жизни человека занимала значительное место, институт медицины был ещё не достаточно развит. И если в городах и практиковали врачи – в далёких поселениях надеялись в первую очередь на простого мага-целителя. Эта профессия была почётна, хотя представители церкви и не поощряли подобной деятельности, если, конечно, сами не занимались ею тайно или явно. Тогда наше поселение являлось чем-то вроде крупного районного центра. Городов поблизости не было, и у нас сосредотачивалась вся культурная, и не только, жизнь округи. Был большой рынок, на который съезжались со всех окрестных посёлков, школа была начальная, правда, церкви не было. Зато ремеслу любому можно было обучиться. Специально люди издалека приезжали и нанимались к мастеру в ученики. Следует сказать, что магия в нашем поселении процветала и имела силу не малую. Климат здесь особый был, места тайные, в которых энергия особая пребывала. Знающие люди говорили, что даже воздух в поселении магией пропитан. Вдохнёшь – и уже воспринял нечто, словами его не передать, умом не уразуметь. Давно это было, сейчас время иное, неведомо, где те силы ныне, они ведь на одном месте не стоят. У них своя жизнь, хоть медленно, да движутся по своему разумению, куда им надобно.

В те времена в нашем посёлке были маги двух различных направлений, меж ними вражды особой не было, но и дружить не дружили. Всё соперничали. Даже специальные праздники были, когда они друг другу силу свою являли, кто чудо более впечатляющее продемонстрировать сможет. О том, что они там показывали – немало преданий сохранилось. Одно можно сказать, ныне такого не делают. Воздух стал иным – не таким прозрачным, и с силами иными человек ныне водится. А те, что древние маги использовали, ныне в покое пребывают, по большей части. Есть, конечно, и в наше время те, кто давнего умения не утратил, но осторожны они в своих действиях. А почему? Потому, что ныне меньше человеку доверия.

Маги двух направлений придерживались разных подходов не только в деятельности своей, но и основополагающие понятия, которыми они руководствовались во взаимоотношениях с окружающим миром, у них отличны были. Если два этих направления уподобить зданиям, то следовало признать, что у строений величавых и по настоящему прекрасных не просто стены были выкрашены в отличные цвета или сделаны они из несхожих материалов, у них и фундамент был разный. Основные принципы магии несхожи были. Возможно, это расхождение и иллюзорно было, но прийти к единому мнению эти две школы никак не могли. Представители одного направления для совершения магических актов использовали личную силу, маги другого этим пренебрегали. Возникает вопрос, а за счёт чего они тогда творили свои чудеса. Очень просто. Эти маги вступали в контакт с энергией окружающего и благодаря этому исцеляли людей, заставляли говорить предметы, дробили камни, и многое другое делали.

Наверное, следует немного сказать о том, что такое личная сила мага. Пытаться объяснить это в рамках обыденных понятий довольно сложно, но если выйти немножечко, чуть-чуть, за их пределы, часто установленные самим человеком, причём искусственным путем, то объяснять ничего не надо. Ребёнку порой гораздо легче понять, что же это за загадочная личная сила, чем умному и постоянно озабоченному многочисленными делами дяденьке. Допустим, мы сидим в комнате, входит человек, и мы чувствуем, что вместе с ним появляется ещё нечто – довольно мощная, впечатляющая энергия. Это и есть личная сила, которая является частью пришедшего незнакомца или его собственностью. Даже если окружающие ничего и не замечают, они всё равно неосознанно реагируют на эту мощную энергию. У них возникает либо чувство радости, либо тревоги или какое-нибудь неуютное состояние, которое и охарактеризовать-то трудно. Всё зависит от качеств мага, в соответствии с ними и своими потреб-

ностями он накапливает личную силу. Да, её приходится именно собирать капля за каплей и уметь удерживать, контролировать.

Это очень не просто и к тому же небезопасно. Вообще, люди простые, без лишних претензий, раньше, да верно и ныне, не экспериментируют с подобными вещами. Многие, раз столкнувшись со сложностями, выпадающими на долю мага, мага истинного, предпочитают жить обыкновенно, без премудростей всяких. А тем, кто душой чист, религия путь открывает светлый и вдохновенный.

Но у мага своя судьба, непохожая на другие судьбы и непонятная многим. Он чувствует зов силы. Поэтому предназначение жизненное не сводится к набору рассуждений и истин определённых. Это реальность нелёгкая, но захватывающая. Маги школы той, что шли по пути накопления личной силы, чётко соблюдали уставы, порой обременительные для обычного человека. Может, по духу они даже близки были к монастырским. Не случайно, в прежние времена магия находила приют и в обителях святых. Неявно, тайно, конечно, прокрадывалась неким духом, неведомым ощущением, чувством едва уловимым. И в итоге – проявлением всё той же личной силы. Ведь служитель церкви, он, можно сказать, наместник Бога на земле. Сила личная необходима бывает в деятельности его.

Маги, представляющие второе направление и не делающие акцента на специальном накоплении энергии, внешне не придерживались жёсткой дисциплины. Ежедневное выполнение определённых техник в строго отведенные для этого часы не было для них обязательным. Со стороны, их жизнь могла показаться беззаботной. Тем не менее, она была подчинена определённому внутреннему распорядку. У них было чёткое представление о задачах мага и различных путях их выполнения. Они представляли, как можно и как нельзя поступать в различных ситуациях. Если маги, практикующие накопление личной силы, знали, как её приманить или наработать, а потом удержать, то представители другой школы знали, каким образом вступить в контакт с космической или абстрактной, отвлечённой энергией, как заслужить её доверие и использовать для реализации намеченных планов.

Личная энергия часто подобна бешеному коню. Необходимо всегда рассчитывать свои силы, чтобы суметь в сложной ситуации совладать с ними и не наломать дров. Отвлечённая энергия также может быть подобна необузданному зверю, если её растревожить сверх меры. При работе с ней нужно умение чувствовать ситуацию, быть и покорным и требовательным одновременно. Пока человек не выходит на определённый уровень, можно сказать, не становится начинающим магом, эти проблемы и предостережения мало его трогают. Он не взаимодействует с серьёзными, мощными энергиями и не обременяет окружающих чудесами, предпочитая больше рассказывать о своих успехах. Когда же он осознает, что действительно начинает влиять на силы и приводить в движение мощные потоки энергии, то не говорит попусту об успехах. По крайней мере, так было в те далёкие времена, сейчас, конечно всё иначе, но суть та же. Вкус у конфеты не изменился в результате того, что обёртка стала более красочной и блестит в лучах солнца подобно алмазу.

Говорить о двух направлениях можно долго, но стоит ли это делать. Можно бесконечно спорить о приоритетах. Действительно, какой из этих двух подходов является наиболее перспективным или правильным? У каждого свои сильные и слабые стороны, каждый может быть по-своему прекрасен. Каждый содержит в себе великое множество различных направлений. Так кристалл в лучах солнца порождает различные цвета, столь непохожие и прекрасные, но источник, тем не менее, один. Каждому человеку, в зависимости от склонностей его, подходит одно из множества направлений, в конечном итоге связанных с данными школами и их традициями, учениями, этикой и философией – как ныне принято говорить, и естеством – как говорили тогда.

В те далёкие времена ежегодное состязание магов проводилось чаще всего в нашем поселении. Собиралось много известных людей, имена которых тогда вызывали трепет в сердцах

простых людей. Сейчас о тех магах мало кто помнит. Эти люди предпочитали не оставлять после себя следов. Подобно метеоритам они вспыхивали на ночном небе, вызывая восхищение окружающих, и растворялись бесследно.

На одно из состязаний прибыл человек из далёкой страны. Её жители славились своими колдовскими способностями. Страна эта была загадочна. Одни говорили, что сокрыта она от глаз простых смертных, другие утверждали, что её просто не существует. Тем не менее, люди рассказывали различные истории об этой, как её ещё принято было называть «империи магов». Правда, истории эти передавались из уст в уста и в основном вполголоса, а иногда и шепотом, чтобы не слышали чужие уши им не предназначенного. Имя у этой страны тоже было особое, ходило поверье, что обладает оно силой. Произносить его я не буду, тот, кому надо – знает или узнает его. Скажут ему камни древние, деревья столетние, трава нашепчет. Главное – это умение слышать. Думаете, истории о стране той загадочной люди от посвящённых или посланцев слышали? Бывало и так порой, но в основном – от трав, камней, деревьев, зверья всякого. Тогда более чуток человек к ним был и мог шёпот их тихий да быстрый расслышать, слова уразуметь.

Ходило поверье, что раз в триста лет является человек людям из той страны далёкой и несёт им послание особое, разгадать которое важно очень. Силу немалую в себе содержит, но воспользоваться не всякий ею способен. Посланник из страны той ждёт некоторое время, ищет тех, кому можно силу открыть, передать дар той страны. Потом он уходит и, если не нашлось людей, которым доверить можно неведомое, забирает его с собой или оставляет. Оно тогда подобно семени волшебному в земле лежит, ждёт своего часа. Иногда так и остаётся не востребуемым веками, иногда само пробуждается и являет миру нечто неведомое.

В тот год состязание магов обещало быть довольно напряжённым. Немалые силы собрались с обеих сторон. То же, что пришёл человек, объявивший себя посланником, тем самым, что приходит раз в триста лет, только подлило масла в огонь. Опытные маги – представители двух школ присматриваться к нему стали. Вслух никто сомнений не высказал. Бог его знает, что за человек этот незнакомец. Вдруг действительно из той страны пришёл, которая то ли есть, то ли нет, и послание важное принёс. А человек тот был обычный, ничем от простого люда не отличался, словно и магом не был. Опытные люди знали, что истинный маг, а таких на деле мало очень, в состоянии силу свою сокрыть не только от посторонних, но даже и опытных, сведущих в чарах колдовских людей. Простота и неприметность – на деле признаки не только обычного, порой недалёкого человека, но и истинного мага. Все ждали начала состязаний. Даже опытные, много повидавшие на своём веку маги волновались.

Наконец был объявлен первый день состязаний. Вся неделя уже наперёд распределена была, каждый из выступавших примерно знал, чего ждать от других и готов был выйти на сцену, которой стала главная площадь поселения. Старейшины, чтобы испытать пришельца, и предложили ему, как гостю, выступить первым, заранее его не предупредив. Ждали напряжённо, какова его реакция будет. Пришелец, однако, всё по-своему повернул. Сказал он: «Я, как посланец братьев ваших старших, хотел бы итог подвести состязаниям. Сообщить то важное, что принёс из страны неведомой. Чувствую, вы мне не очень доверяете, испытать хотите. Поверьте выступить первым мне не сложно, но послание тогда иным будет. Вместо одного другое явится. Выбор за вами». Задумались крепко старейшины. С одной стороны, их честь может быть задета. Бог его знает, кто он такой, этот человек. Сколько самозванцев объявлялось – видимо-невидимо, и каждый говорил, что весть особую несёт.

Старейшины решили пойти на компромисс. Самый древний из них молвил:

– Послушай, дорогой человек, мы много раз сталкивались с обманщиками, людьми, выдающими себя за магов. Конечно, благодаря видению нашему, многие способны отличить настоящее от ложного. Мы чувствуем, что не обманщик ты, но испытание на общих основаниях у нас все проходят. Таковы правила. Яви чудо какое-нибудь, подтверждающее состоятельность посланных тебя.

– Чудо надо уметь увидеть. По сути, явил я уже его. Заметил ли кто-нибудь? – сказал пришедший. Слова эти вызвали немалое раздражение среди магов и настороженность. Правда, чувств своих они показывать не стали.

– Мы все здесь незримые чудеса являем, ты же прилюдно искусство продемонстрируй. Или выходи состязаться с одним из опытных магов.

– Вы свой выбор сделали, – сказал незнакомец. – Готов я состязаться с любым из вас, если хотите, могу со всеми сразу.

По сути, так и было – всеобщее противостояние преодолевать пришедшему приходилось. Вышел он на круг, посреди площади встал. Соперники не заставили себя долго ждать. На круг вышло человека четыре, ясно было, что и другие их поддерживают. Лихо взялись за дело – ветер сильный подняли, да совладать с ним не смогли. Сами с ног повалились, а странник один на ногах стоять остался. Минут пять буря неистовствовала, тучи пыли подняла, всех на землю уложила, а некоторых и песком слегка присыпала. Первыми, конечно, маги пришли в себя, поднялись на ноги, на зубах песок скрипит, одежды запачкались – не для состязаний, а для стирки годятся, а страннику хоть бы что, не то, что пыли на нём нет – наоборот, сияние от него исходят. Даже люди, в магии не сведущие, свет этот видели.

Всем ясно стало, что человек этот пришёл неспроста и говорил правду, но сильно было недовольство магов. Ждали они чуда, а как случилось оно – так и не обрадовались. Мало того, что состязания откладывались на день, а может и на два, честь их оказалась задета, и, самое удивительное, винить в этом не кого было. Человек при желании всегда найдёт того, кто источником всех бед и неприятностей является, чтобы себя успокоить, в бытии непростом утвердиться. Тут же и искать было не надобно. Вот он стоял перед ними, посланник сияющий. И сказал ему старейшина:

– Чуждый ты нам человек, а может, и не человек вовсе, не хотим с тобой дела иметь. Всё должно свой предел иметь. Убедились мы, что сила твоя выходит за пределы дозволенные и, следовательно, опасна для нас, и знать о ней не хотим. Окружающие поддержали его. Голоса раздались:

– Уходи туда, откуда пришёл! Не надобны нам чудеса твои!

Правда, чувствовалось, что среди людей единодушия не было. Как одни готовы были объявить его проявлением тёмной силы, так другие в посланце готовы были признать воплощение божественного. Открыто сказать боялись об этом, авторитет старейшин велик был.

Странник постоял с минуту, словно в раздумье, и потом произнёс. Только не голосом – энергией или той самой силой своей. Рта не раскрыл, но отчетливо все его слышали:

– Вижу я, что не готовы принять дар, вам предназначенный, но есть среди вас те, кто достойны его будут когда-нибудь. Именно на них надежда наша. Пусть и мало людей таких, но есть они и поведут, придёт время, за собой других. Поэтому оставляю я дар принесённый, силу немалую в себе таящий. Только сокрыт он будет, не проявлен. Будет энергия ожидать своего часа, когда придут люди, способные пробудить её. Знаю, магов среди вас немало, и им не советую тревожить силы раньше времени. Справиться с ними непросто будет, Сила потребует немалая и, главное, чистота душевная. Не мощью, не магией силу укротить можно будет, а красотой души своей. Дар этот и ребенку подвластен может стать, если доброе и светлое начало несёт в себе дитя это. В то же время никакое искусство и знание особое не поможет, если сердце пусто.

Произнёс эти слова посланец, и такая тишина кругом воцарилась – даже ветерок на мгновение затих, птицы замолкли, а у людей, словно дыхание перехватило. Мир словно остановился на мгновение, и всем истина невыразимая открылась. Та огромная сила любви, к человеку обращённая, терпение и красота великая в окружающем сокрытая. Готовы люди были к страннику броситься с мольбой покаянной, к стопам его припасть, но тот исчез, в воздухе растаял. На том месте же, где посланец сей стоял, возник куст красивый, растение незнакомое

никому, но очень на шиповник похожее. Стояли люди, поражённые, и никто в тот момент не посмел подойти, к веткам прикоснуться. На другой день одни цветы к кусту принесли, другие ночью пытались растение извести. Только ничего не получилось. Не страшны растению тому ни топор, ни огонь оказались. Росло оно, правда, цветов, не давало. С виду – обычное, но чувствовалась в нём мощь сокрытая. Люди, прикасавшиеся к нему, бездну ощущали. Правда, не много таких смельчаков было. Большинство обходили растение стороной, а те, кто были темны душой, при одном взгляде на куст плохо себя чувствовали. Не мудрено было им и душу Богу так отдать, по неосторожности. Конечно, люди недолго так прожили, по инициативе старейшин ушли с того места, и новое поселение организовали по типу старого, даже названия улочек те же сохранили.

Хоть многие и хотели навсегда забыть дорогу к кусту, долго люди её помнили. Многие ходили к нему по праздникам, цветы приносили, к веткам прикасались. Людям светлым помогало это невзгоды преодолевать. Обретали они спокойствие и равновесие душевное. Ходило даже поверье, что как куст расцветёт – для людей золотой век настанет. Только так и не дождалось цветов, да и дорогу к растению чудесному забыли постепенно люди.

На этом доктор Ларсен и закончил свой рассказ. Показалось ему, что девочка на фотографии слушала сказку с интересом. А чай остался недопитым, да и жёлтый кекс недоеденным. Ларсен убрал фотографию на место, сел за стол. Легко было догадаться, о чём он думал. По предположениям доктора, Роберто случайно нашёл тот самый куст то ли шиповника, то ли какого-то другого растения, которое осталось от посланника. Таким образом, мальчик соприкоснулся с пробудившейся силой, воздействие которой оказалось для него столь опасным. Это значило не больше ни меньше чем то, что зацвело диковинное растение, и пришёл назначенный срок, о котором говорил пришелец. Честно говоря, Ларсен не очень верил в историю с посланником до недавнего времени. Но теперь интуиция мага подсказывала ему, что за всем этим скрывается нечто важное. Теперь Ларсен отчётливо сознавал, что встретиться с Роберто просто необходимо. Правда, сможет ли мальчик рассказать ему, что произошло на самом деле – он не знал. Даже само воздействие неведомой пробудившейся силы могло исказить восприятие реальности не только у ребенка, а и у взрослого человека.

В этот момент доктор Ларсен услышал стук в дверь. Не успел он сказать «войдите», как перед ним уже стоял невысокий мальчик лет двенадцати. Обычно к Ларсену редко заходили подобные посетители. Нет-нет, он любил детей, но круг его интересов соответствовал возрасту и предназначению, которое каждый маг осознаёт довольно чётко. Ребятам было скучно общаться с доктором, хотя его и уважали, и даже боялись иногда. Визит мальчика несказанно обрадовал Ларсена. «Все-таки хоть один из них обратился сам за помощью», – подумал он с радостью и улыбнулся гостю. «Может, мне постепенно удастся убедить ребят, что я – не старьёй зануда, а отличный специалист, знаток своего дела», – мелькнула мысль.

– Как тебя зовут? – поинтересовался Ларсен.

– Франко, – ответил мальчик.

– Расскажи, зачем ты пришёл, тебе требуется помощь?

– Нет, вернее не совсем, уважаемый доктор, мне бы хотелось посоветоваться.

– Пожалуйста, рассказывай. В чём проблема? Я постараюсь тебе помочь.

– Не так давно, несколько дней назад, я гулял по лесу. Вообще, меня привлекают пешие походы. Иногда наступает момент, когда хочется побыть в одиночестве, чтобы рядом не было никого, и ни одна душа не знала – где ты, что с тобой. Вот в один из таких дней, я называю их «днями единения», произошло непонятное событие. Оно уже случилось, но понять, что же значило всё это – трудно. Я уединился очень сильно. Настолько, что не только потерял дорогу домой, но и утратил все привычные ориентиры. Лес был тёмный, даже небо увидеть было не так легко. А тому, кто переживает «день единения», просто необходимо знать, что оно рядом, то есть над головой. И вот, когда я испугался окончательно, знаете, так бывает, что страх приходит

не сразу, а постепенно, сторожит, словно пёс за соседским забором, а потом, не успеешь ничего понять, а он уже вцепился в брюки. В такие моменты уже не являешься хозяином положения, а оно командует тобой. Тогда неожиданно я увидел золотистый свет, он струился сквозь ветви деревьев. Нельзя назвать его ярким, но обладал он какой-то неведомой силой. Успокаивал и звал к себе. Мне ничего не оставалось, как пойти ему навстречу. Это было очень просто и в то же время так нелегко. Знаете, в «дни единения» становишься осторожным и недоверчивым. На незапланированные события смотришь иначе, потому что ты один. Тем не менее, скоро я оказался у источника. Знаете, уважаемый доктор, это было маленькое деревце, можно сказать, кустик. Такой маленький и милый, и он светился золотистым светом. Я смотрел-смотрел, и было так хорошо, приятно, и ничего не хотелось. Всё пропало, исчезло. Страницы памяти моей были пусты, и заполнить их было нечем. словно никогда не было дома, в котором я жил, друзей и родителей. Возможно, знание об этом и сохранилось, но оно было чужим. Деревце же было рядом, казалось, протяни руку и соприкоснешься с этим золотистым сиянием. Но сделать это было невозможно. Потом, наверное, что-то произошло. Неожиданно оказалось, что я уже иду домой и знаю дорогу, а дерева нет. Уважаемый доктор, оно мне снится теперь, и я люблю его золотистым цветом. И ещё, я никому не говорил об этом. Просто невозможно с помощью слов передать состояние, всё то, что было пережито. Вы знаете, во сне иногда деревце говорит со мной, только когда я просыпаюсь – не могу вспомнить о чём. А оно хочет передать нечто важное. Вы знаете, возможно, это касается не одного меня, а всех, очень многих людей. Не знаю, как мне сохранить память о сне, перенести её из того мира в наш и передать людям слова золотистого дерева.

Мальчик закончил свой рассказ и посмотрел на доктора Ларсена.

– Не волнуйся, дорогой, по всей видимости, на тебя были наведены чары. Мне нетрудно с этим разобраться. Сейчас я посмотрю, насколько серьёзному воздействию ты подвергся, – сказал доктор. Но, соприкоснувшись с энергией, о которой рассказал мальчик, Ларсен сразу утратил весь свой оптимизм. Дело оказалось намного серьёзней, чем он предполагал вначале. Если мальчик и подвергся воздействию чар, то настолько серьёзно, что сейчас освободить его не представлялось возможности. Ларсен в своей многолетней практике не сталкивался с подобными случаями. Конечно, часто наводили и более сложные и замысловатые наваждения, но всё это было дело рук людей, порой и обладающих не малой силой, но имеющих свои слабости. Здесь же Ларсен почувствовал вмешательство нечеловеческого, как показалось ему, подобного воздействию стихии. Ларсен решил не показывать мальчику своих опасений. Он беззаботно, насколько был в состоянии это сделать в подобной ситуации, улыбнулся и произнёс: – Ну вот, я посмотрел, ничего особенно опасного ни для тебя, ни для людей нет. Я поработаю над сложившейся ситуацией, и всё будет хорошо.

– Значит, я смогу вспомнить то, что говорило мне золотистое деревце? – спросил мальчик.

Конечно, а еще ты обретишь так необходимое в данной ситуации спокойствие. Только обещай, что зайдёшь через пару дней и расскажешь, как у тебя идут дела.

– Обязательно, – произнёс мальчик и ушёл, по всей видимости, удовлетворённый разговором.

Доктор Ларсен, однако, произошедшим не был доволен, его беспокоило предчувствие того, что он упустил нечто важное. Мальчик напоминал ему кого-то не столько внешностью, сколько своей энергией. словно недавно он уже сталкивался с ним. Внезапно Ларсен догадался. Это же Роберто. Он плохо помнил, как выглядит этот мальчик, заболевший загадочной болезнью, но энергетический портрет его представлял чётко. При настройке на Роберто, для его диагностики, у доктора возникали именно такие, или близкие к ним, ощущения, как при общении с ребёнком, только что бывшим у него дома. Но почему тогда мальчик пришел сам, как ему это удалось, и сказал ещё, что зовут его Франко. С другой стороны, эта история о золо-

том деревце предстаёт совсем в ином свете. На мальчика никто не наводил чары. Он случайно нашёл тот самый загадочный куст и подвергся его воздействию. Тем самым предположения доктора Ларсена подтверждались самым блестящим образом

В то же время, доктор понял, что совершил ошибку, довольно поверхностно отнесясь к рассказу мальчика и отпустил его, толком не расспросив о произошедшем. А ведь в сложившейся ситуации важно было всё, даже мельчайшие детали, на первый взгляд и не относящиеся к произошедшему, все что бы ни удалось мальчику вспомнить. Ларсен тот час же решил идти к мальчику домой. Даже если и не удастся застать его, представится возможность поговорить с родителями ребёнка.

Домик, в котором жила семья Роберто, был ближе к окраине поселения и стоял словно на отшибе. Это было и неудивительно, отец мальчика недоверчиво относился ко всему происходящему, а оно в этих краях было исполнено магии. Таинственные силы незаметно воздействовали на окружающее. Те, кто не хотел замечать – этого и не видели, а кто знали – помалкивали. Домик строил ещё прадед Роберто по материнской линии. Он был весёлым человеком и любил детей. С Ларсеном, который в ту пору был мальчишкой и особо не загружал себя знаниями, у него отношения были очень хорошие. Домик у прадеда получился тоже весёлый – с ярко жёлтой крышей и резными окнами. В комнатах было много причудливых зверей, вырезанных из дерева. Со временем всё это куда-то делось. Зато появилось много красивой и удобной мебели, различных книжек для очень умных людей и техники, так необходимой в ведении хозяйства городским и, конечно, деревенским жителям.

В прежние времена люди в поселении и не думали, что домик стоит чуть в стороне. Увидели это уже потом, после смерти прадеда. А точнее, когда в домике поселился мистер Крек – отец Роберто. Дед выдал за него свою младшую дочку замуж. Сам-то он уехал в город к старшей дочери, и поселение навещал довольно редко. Мистер Крек лихо взялся за дело и всё в домике устроил по-своему. Молодая жена сначала противилась его диктату, или ей так казалось, но вскоре смирилась. Она вообще считала мужчин особыми существами, немного странными, но вполне разумными. Правда, все они имели те или иные слабости, за которые их можно было не только любить, но и прощать им многие глупости. Мистер Крек, напротив, глупостей не терпел. Господи, если бы он знал: сколько творил их изо дня в день на протяжении множества лет, конечно, по мнению своей жены.

В поселении поговаривали, что мистер Крек оставил город не случайно. Он родился и вырос не в глубинке – среди лесов, полей и маленьких речушек, а в довольно крупном городе. Там, кстати, и прошла его молодость. Говорили, что мистер Крек обиделся на людей, которые не смогли по достоинству оценить его таланта, который проявлялся в самых различных отраслях науки и искусства. Это и побудило его в годы мятежной юности оставить всё и уехать в далёкое поселение. Можно было сказать, что здесь он нашёл себя. Правда, окружающие люди так не считали. Тем не менее, мистер Крек был доволен собой, и этого было достаточно.

Ларсен подошёл к домику с некогда ярко-жёлтой крышей довольно быстро. На пороге он увидел Клариссу – мать Роберто. Отца мальчика, по всей видимости, не было дома. Ларсена это немного порадовало.

– Здравствуйте, уважаемая госпожа Кларисса. Я слышал, Ваш сын Роберто болен. Может, я могу чем-нибудь помочь?

– Мне бы не хотелось прибегать к Вашей помощи, Ларсен, и надеюсь, вы понимаете почему. Роберто уже несколько дней не говорит и не слышит ничего, большую часть времени сидит у окна, и не желает выходить из дома. Врачи говорят, что он чем-то сильно напуган, они ничего не могут пока сделать. Видимо, здесь не обошлось без этой ненавистной магии. Мы скорее обратимся к священнику, чем к вам. Уходите!

Ларсену ничего не оставалось делать, как последовать её совету. Кларисса по всей видимости, сильно обижалась не на него одного. В этот момент из домика вышел тот самый мальчик, который приходил только что к Ларсену.

– Ма, я погуляю, – обратился он к госпоже Клариссе.

– Франко, ты же только что пришёл, – недовольно сказала мать, но сын, не слушая её и не замечая Ларсена, побежал на улицу. Доктору показалось, что не изменилась только внешность мальчика, сам же он стал теперь каким-то другим.

ГЛАВА 3

Услышав голос, Кэти посмотрела вокруг. «Кто бы это мог быть?», – подумала она. Конечно, у неё сразу возникли подозрения. Девочка знала от родителей, что в доме живут невидимые существа. Тела их настолько прозрачны, что обычным зрением их не разглядеть.

Тем не менее, с ними возможно общаться. Не раз приходилось и ей сталкиваться с их проделками. В доме, где она жила с родителями и младшим братиком, невидимых существ было предостаточно. Причём одни из них приходили пожить и спешили каким-либо образом заявить о себе, другие, наоборот, отправлялись в дальние края по неотложным делам. Пожалуй, один домовой жил, никуда не собираясь, вся его деятельность, по-видимому, была связана с жильём, которым он заведовал. Кэти относилась к домовушке очень почтительно, хотя ни разу его не видела наяву. Правда и другим незримым существам она оказывала должное почтение. Сейчас в доме проживали два гнома, увидеть которых было очень непросто даже маленькому братику, и тролль Харус, которого Кэти при желании могла различить как едва заметное прозрачное облачко. Конечно, ей хотелось поболтать с невидимыми существами, но услышать их было сложно. Для родителей это не составляло особых трудностей, но они предпочитали не обременять себя праздными беседами. А зря! Наверное, и гномы, и домовушка, не говоря уже о Харусе, могли рассказать немало интересного. Возможно, они могли иногда и пофантазировать, и пошутить, но ничего плохого в этом Кэти не видела. Девочке показалось, что она увидела под потолком небольшое прозрачное облачко. «Интересно тролли, оказываются, любят кофе», – подумала Кэти и спросила очень тихим голосом:

– Это ты, Харус?

– Нет, это я, Малькольм, – услышала она недовольный ответ. В первое мгновение Кэти растерялась, но быстро взяла себя в руки. Она посмотрела на бежевого пса, который сидел на полу перед ней и загадочно улыбался. Малькольм походил на лабрадора, но не был чистопородной собакой. Подобрали его в городе крохотным щенком, которого потеряли или отпустили на вольные хлеба не слишком заботливые хозяева. Впрочем, обнаружить владельцев маленького щеночка так и не удалось, и его взяли с собой родители Кэти. Тогда никто не ведал, что из крохотного существа вскоре вырастет пёс внушительных размеров. С котятками в этом отношении легче, если, конечно, их не путать с рысятами, тигрятами и лвятами. Малькольм освоился в доме быстро и уже через несколько недель стал считать себя полноправным членом семьи, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сейчас он был уже зрелым псом, но многие слабости, в том числе любовь к разнообразной и порой своеобразной пище, у него сохранились.

– Значит, ты у нас говорящая собака? – произнесла Кэти.

– Да, конечно, но поняла, к сожалению, это ты только сейчас. Представь себе, как нелегко жить, когда тебя не понимают. Иногда и хвостом машешь, и скулишь – всё без толку. Кричишь, надрываешься для того, чтобы быть услышанным. Но, увы, ни ты, ни твой любезный братец меня не слушаете. Зря, я – не какая-нибудь бездомная собака и порой говорю довольно дельные вещи.

– Но мои родители тебя, надеюсь, понимают?

– Да, но у них, сама знаешь, много дел, к тому же они не только твои, но и мои премудрые, иногда чересчур, наставники. С ними не поболтаешь о нашей собачьей жизни, они её отлично знают.

– Не расстраивайся, милый пёсик, я буду с тобой болтать. Видишь, все куда-то делись, и нас оставили вдвоём. Хорошо, что я смогу теперь понимать тебя, будет не так скучно.

– Хватит прибедняться! Будто тебе когда-то бывает скучно, правда, вместе с тобой мы натворим дел! Кстати, я много могу рассказать тебе не только о собачьей жизни, но и о магии, и о многом другом. К тому же могу читать мысли, правда, не всегда, и ещё многое-многое другое умею. Не думай, не хвастаю. Мы, собаки, вообще, существа по природе скромные и воспитанные – не зазнаёмся, короче. А я в особенности!

Кэти стоило немало труда сдержать улыбку. Она, в отличие от Малькольма, не питала иллюзий на счёт его скромности. Кэти отлично знала пса и порой вполне представляла всё, что он хочет сообщить. Порой Малькольм бывал расстроенным, порой обиженным или раздражённым, но застенчивым Кэти видела его очень редко. Правда, теперь девочке представилась, можно сказать, уникальная возможность не только догадываться, что думает пёс, но и непосредственно общаться с ним с помощью неведомой силы, которую ей открыли кофейные зёрна.

– Значит, ты многое знаешь и можешь рассказать мне? – спросила Кэти.

– Ну да, без проблем, правда кофе может стать не таким вкусным. Он вообще может испортиться, если в него не долить молока.

– Сейчас, пёсик, я посмотрю в холодильник, там, наверное, есть достаточно...

– Не надо, не надо! К чему так торопиться. Давай лучше поговорим о чём-нибудь.

– Ты что, не хочешь уже кофе с молоком?

– Хочу, конечно, но знаешь, лучше подождать, когда оно чуть-чуть остынет, ты ведь знаешь, как нам, собакам, вредно горячее. От него портится наш нюх, – последнюю фразу Малькольм произнёс с нескрываемой гордостью.

– Да, Малькольм, – вздохнула Кэти – ты остался таким же капризным. То молоко подавай, то не хочу. Я то думала, что, начав говорить...

– Во-первых, это не я начал говорить, а ты стала меня понимать, а во-вторых, кое-кто порой тоже уставал от твоих капризов.

– Кого это ты имеешь в виду?

– Вспомни, как ты дёргала меня за хвост, когда тебе было пять лет, отбирала у меня сахарное печенье и, вообще, всячески притесняла.

– Честно говоря, я не смогу вспомнить этого. Но если это и было, приношу глубочайшие извинения. Тогда я была недостаточно сознательной и творила глупости, но теперь то я отношусь к тебе уважительно.

– Что верно, то верно. Впрочем, ближе к делу. Ты хочешь убедиться в моих необыкновенных способностях?

– Конечно, хочу. Например, может, ты знаешь какое-нибудь таинственное место...

– Где запрятаны сокровища? – перебил Малькольм девочку.

– Ну, допустим. Да, это было бы довольно интересно – отыскать сокровища.

– Тебе несказанно повезло, я знаю одно место, где находятся бесценные сокровища, и готов открыть тебе эту тайну, но только пятьдесят процентов мои.

– Ты что, зачем тебе золото, алмазы? Пожалуй, с тебя хватит и десяти процентов, – Малькольм на мгновение задумался, впрочем, тут же выразил согласие.

– Ну, говори, где спрятаны сокровища, – без особого энтузиазма поинтересовалась Кэти.

– Можно сказать, они у тебя под носом. Тебе нужно только открыть дверцу холодильника, – торжественно произнёс Малькольм.

– Ну, так неинтересно. Содержимое холодильника, конечно, является для тебя сокровищем, но меня оно вряд ли чем поразит.

– На этот раз ты не права. Там действительно лежит нечто особо ценное. Конечно, это не золото или бриллианты, но зато оно полностью приспособлено для удовлетворения потребностей самого взыскательного представителя человеческого рода.

– Говоришь ты красиво, поверь, мне действительно стало интересно, что же там запрятано. Только ты должен продемонстрировать ещё какое-нибудь чудо, может быть, более впечатляющее.

– Кэти, не будь такой ненасытной! Ты еще не познакомилась с сокровищами холодильника, а уже требуешь новых чудес. Всему своё время. Раз уж ты в состоянии понимать меня, то жизнь, наполненная волшебными событиями, тебе обеспечена.

– Кэти уже не слушала Малькольма, она подошла к холодильнику, открыла дверцу и увидела торт внушительных размеров. Поверхность его была усыпана разноцветными розочками, кроме этого кремом было написано послание:

«Дорогая девочка! Мы скоро приедем! Не ешь всё сразу! Если возникнут вопросы – обратиться к доктору Ларсену. Твои родители. Приятного аппетита!». Идея написать на торте записку могла прийти в голову только папе. Правда, торт от этого не потерял своей прелести. Кэти поставила на плиту чайник. Есть на завтрак торт было довольно роскошно, но приятно.

– Интересно, какой он бисквитный или из песочного теста? А может, из суфле или безе. Конечно, в таком большом торте, наверное, несколько слоёв и много миндальных или грецких орехов. Может быть, он с цитрусовой начинкой. Наверняка в нём должны быть какие-нибудь экзотические для нашей местности фрукты, плоды тропических растений, такие сочные и мягкие, правда у них, как правило, довольно резкий запах, – рассуждал Малькольм, поглядывая, как Кэти разрезает на большие куски сокровище.

– Да, здесь много орехов, и есть кремовые прослойки, а так же из суфле и свежих фруктов в желе, вот вишни, бананы, киви. По всей видимости, они изготовили сами это чудо. Смотри, Малькольм, здесь и шоколадная прослойка – даже в городе нам такие торты не попадались.

– Кстати, ты должна быть благодарна мне за это сокровище. Когда родители собирались уезжать вчера, ближе к вечеру мама сказала:

– Пёсик, ты присмотри, пожалуйста, за нашей девочкой.

– Я, конечно, заверил её, что всё будет в порядке, и сказал:

– Кэти будет скучать без вас, надо её чем-нибудь порадовать.

– Уж не знаю, что бы придумать, – вздохнув, сказала мама. Тогда я поделился своей идеей, такой простой и гениальной – посоветовал им сделать торт, который смог бы скрасить часы нашего одиночества. Они одобрили идею. И вот результат!

Кэти не стала говорить Малькольму, что вчера, готовясь к отъезду, папа попросил её присмотреть за собакой, но про себя она подумала: «Ну вот, значит будем смотреть друг за другом». Наконец чай был готов, и торт нарезан. Кэти решила дать Малькольму сразу всю его долю, уж очень сильно проявлял он нетерпение. Девочке даже трудно было разобрать, что он говорит. Она слышала только урчание. Да ей и самой скорее хотелось скрасить часы одиночества. После того как они съели по большому куску, стало ясно, что этого мало. Правда, после второго куска Кэти поняла, что объелась, но остановиться было уже трудно. Тем не менее, сделать это пришлось. Когда девочка с трудом добралась до своей комнаты и упала на постель, было ясно, что тортом удалось наесться на несколько месяцев. Сама мысль о сокровище вызывала у неё содрогание и приступы тошноты. К тому же из кухни раздавались стоны Малькольма, который также не рассчитал своих сил.

– Звони доктору Ларсену, иначе мы погибнем, – услышала она его слабый голос. Кэти, тем не менее, решила справиться с недугом своими силами.

Она вспомнила историю, которую ей рассказывала мама, причём довольно часто, и ей стало немного легче. Это было давным-давно, и много воды утекло с тех пор. Историю скорее можно было отнести к числу семейных преданий, хотя за достоверность её можно было ручаться. Тогда мама Кэти только-только пошла в школу. Однажды, вернувшись домой, она обнаружила на кухонном столе большой арбуз. Родителей дома, конечно же, не было, они работали. Надо заметить, что мама в детстве очень любила арбузы, особенно такие крупные, полосатые. Ждать родителей она не стала. Правда, арбуз оказался плохим, видимо, родители, хотя и поняли это, не успели его выбросить. Мама знала, что от съеденного арбуза станет плохо, да и невкусный он был, но остановиться сил у неё уже не было. Всё кончилось промыванием желудка, когда пришли родители. Что делать, подобные неприятности порой случаются с детьми, и последствия их иногда можно ликвидировать своими силами при наличии опыта и решительности.

Кэти приступила к процессу самоизлечения не слишком охотно, но отступить было некуда. Зачем показывать доктору Ларсену, не только уважаемому в поселении человеку, но и опытному магу, свои слабости, ладно бы ситуация была действительно непоправимая. Приведя себя в нормальное состояние, Кэти пошла к Малькольму, который так и лежал на кухне.

– Иди во двор, поешь какой-нибудь травки, прочисть желудок, – сказала она псу.

– Жалко торт, – ответил он.

– Пожалей лучше себя, – сказала Кэти.

Вздыхнув, Малькольм пошёл в небольшой садик возле дома.

Когда Кэти пришла в себя, в голове у неё возникли новые мысли. Во-первых, она решила, что надо пригласить подруг на чаепитие с тортом, во-вторых, вспомнила, что надо покормить птичек и морских свинок, которые жили в одной комнате с родителями. Кэти так торопилась сделать кофе, что так и не обошла всех комнат в доме, а их было не так уж и мало – всего пять, не считая кухни, прихожей и ванной. Две из них были на втором этаже, и там периодически жили старшие брат и сестра. Одна нижняя комната была отведена под гостиную, в ней часто принимали разных посетителей. В другой жили птички и морские свинки с родителями и младшим братишкой. Третья комната на первом этаже являлась владением Кэти.

Конечно, частенько к ней заглядывал Малькольм, родители, знакомые, немногочисленные подруги, птички, да и свинки. В доме был ещё чердак и подвал, но они были необитаемыми. Невидимые существа считали их своей резиденцией, но места они не занимали, и мебели у них не было. Кэти любила лазить на чердак и смотреть на поселение из маленького окошка. Вообще, там было много интересного, и она скорее бы стала искать сокровища там, а не в холодильнике.

Первым делом девочка решила покормить морских свинок.

– Кэти, как тебе не стыдно, ты совсем забыла о нас, – укоризненно произнёс Артур. Девочка, смотря на его умный вид, всегда думала, что понимает он слишком много, теперь ей предстояло убедиться в этом на практике.

– Дорогой свин, извини, пожалуйста, у меня с самого утра было так много дел.

– Значит, если их было бы ещё больше, нам пришлось бы ждать твоего визита до полуночи. А знаешь ли ты, дорогой ребёнок, как важно для морской свинки здоровое, полноценное питание?

– Я догадываюсь, – сказала Кэти.

– Люблю умных деток. Так что у нас сегодня на завтрак?

Только когда свинки начали кушать, девочка осознала, что научилась понимать и их речь.

– Не расстраивайся, они неплохие ребята, просто сильно привязаны к еде. Если ты дашь им ещё немного огурцов – они тебя не только простят, но и окончательно полюбят.

Кэти сразу догадалась, кому принадлежит этот бодрый голос – попугаю. Он насмешливо смотрел на неё через прутья клетки, и казалось, видел её насквозь. Тут девочке стало не по себе.

Раньше звери были просто милыми бессловесными созданиями, теперь же они бесцеремонно вошли в её жизнь, как разумные, сознательные существа.

– Дорогой попугай, но ведь ты тоже любишь покусать.

– Не больше тебя, Кэти. Если я правильно понял, – вас задержал торт.

– Да, – со вздохом призналась Кэти.

– Не расстраивайся, девочка, мы все совершаем немало ошибок, важно делать из них правильные выводы, – вмешался Артур.

Насыпав попугаю корма, Кэти пожелала зверюшкам приятного аппетита.

– Я, пожалуй, пойду, погуляю, а потом зайду пообщаться с вами.

– Наверняка ты пойдёшь к подружке Люси и начнёшь хвастаться, что твои звери заговорили, – насмешливо сказал попугай Карло.

– Ничего страшного в этом не вижу, – вмешался Артур – ребёнку надо гулять, а поболтать с нами она всегда успеет.

– Ну вот, родители уехали, и теперь мне нужно отпрашиваться у свинок и попугаев, – подумала Кэти

– Надеюсь, ты возьмёшь меня с собой? – едва они вышли из комнаты, поинтересовался Малькольм.

– Можешь не сомневаться, – ответила девочка. По виду пса она поняла, что общение со свинками и попугаями на него произвело такое же впечатление, как на неё.

– Они такие правильные, потому, что живут с родителями и переняли от них не только стиль поведения, но и образ мышления, – проворчал Малькольм.

– В этом нет ничего плохого, – заметила Кэти, про себя подумав: «Хорошо, что Артур не вспомнил про уроки».

Тем не менее, перед тем, как отправиться в гости к подружке, девочка решила сделать в доме небольшую уборочку, для очистки совести. Ведь, наверняка, Артур и Карло будут рассказывать родителям, о том, как она себя вела. Тем более, про печальные события, связанные с тортом, они уже откуда-то узнали.

Вообще-то в доме поддерживался постоянный порядок, и в частых уборках не было необходимости. Пыль и грязь нигде не скапливались, вещи послушно лежали на своих местах, зеркала не пачкались, посуда блестела. Конечно, периодически проводились генеральные уборки, когда все ходили по дому, тщетно пытаясь найти пыль или грязь, следы хоть какого-нибудь беспорядка. Кэти не раз задавала вопрос о том, как удаётся поддерживать дом в идеальном состоянии. В ответ на это мама говорила обычно о «сохранении внутренней гармонии окружающего пространства». Что это такое – Кэти не понимала, но у неё было подозрение, что и здесь замешана магия. Правда, раньше, когда в доме постоянно жили старшие братец и сестра, уборке уделялось много времени, но теперь внутренняя гармония, видимо, была достигнута. Обычно мама говорила Кэти:

– Главное, чтобы не было энергетической грязи, с физической мы как-нибудь разберёмся. Родители, конечно, уделяли время уходу за свинками и попугаями, но происходило это как-то быстро и незаметно. В общем, звери и сами были чистоплотными.

В процессе уборки на Малькольма надежды было мало, тем не менее, Кэти бодро взялась за дело и с удивлением обнаружила, что за столь короткое время отсутствия родителей уже успела возникнуть, невесть откуда, пыль, и даже появился мусор. Комнату родителей девочка решила не трогать, но остальные четыре со вспомогательными помещениями, требовали некоторого внимания. Малькольм наблюдал некоторое время, как проходит уборка, но вскоре убежал по своим собачьим делам. После уборочки Кэти поняла, что идти гулять она не готова, надо было попить чайку. Когда на столе появились бутерброды, неизвестно откуда возник Малькольм.

– Ты права, хозяйка пора подкрепиться, – весело сказал он, помахивая хвостом.

– Ну что, пёсик, пойдём к Люси? – спросила Кэти после того, как они немного перекусили. Малькольму была выделена солидная доля собачьего корма.

– А торт? – спросил пёсик.

– Ты, что ещё не наелся? И потом мы собирались угостить им гостей.

– Так у нас ещё и гости будут?! Не забудь им сказать, чтобы принесли сахарных косточек к чаю для меня.

– Ладно, ладно.

– Значит, мы идём к Люси, это хорошо, мне так нравится их очаровательная болонка Дина, – мечтательно сказал Малькольм.

– Во-первых, она для тебя старовата, а потом, она – скорее дворянка, как и ты, от болонки почти ничего не осталось, кроме скверного характера.

– Я не дворянин, а метис, по паспорту, – гордо ответил Малькольм.

– У тебя не паспорт, а свидетельство о проживании, – уточнила Кэти. Пёс что-то пробурчал в ответ, но девочка его уже не слушала.

Когда они подошли к дому, где жила подруга Кэти, Люси, на встречу им залиvisto лая, выбежала Дина. На этот раз девочка окончательно убедилась в скверном характере собачонки, поскольку могла разобрать слова, которые та вытягивала.

– Дина, как тебе не стыдно? – маминым строгим, но любящим голосом произнесла Кэти. Собачонка опешила.

– Кто тебя научил таким плохим словам? – строго спросила девочка.

– Люси, – растерянно произнесла Динка. Тут удивляться настала очередь Кэти. Она могла многого ожидать от своей подруги, но только ни этого.

– Господи, зачем она научила бедную собаку таким гадким словам? Ведь Дина сама не понимает, что говорит.

– Дорогая собачка, гостей, а мы именно гости, надо встречать не грубыми словами, а радостными.

– Ладно, учту на будущее, – недовольно проворчала Дина, окончательно пришедшая в себя.

На крыльцо вышла Люси вместе с Эльзой и Пером. Кэти поняла, что время для визита выбрано не совсем удачно. Конечно, Люси была её лучшей подругой, но она отличалась досадным непостоянством. Кэти это угнетало, но друзей не выбирают. В данном случае и выбирать было не из кого. Девочки в селении сторонились Кэти. Слишком отличалась она от них. Удалось наладить отношения только с Люси, но та была «всеядна».

В поселении была одна девочка, которая постоянно задирала Кэти, настраивала против неё других. Не так давно она решила стать, из чрезмерной вредности что ли, подругой Люси. Это сделать оказалось не сложно. И вот теперь, увидев Кэти, Эльза злорадно улыбнулась, готовясь к нападению.

– Кто к нам пожаловал! Кэти! Адепт высшей магии! Чем ты сейчас порадуешь нас? Наверное, твоя собака наконец-то заговорила человеческим языком? Или ещё что-нибудь стряслось? – ехидно спросила она. Кэти посмотрела на лица Люси и Пера. Он не увидела сочувствия, только неподдельный интерес, ожидание – чем она ответит на насмешку.

– Скажи этой вредной девчонке, что если она будет над нами насмехаться, то я её покусаю, – услышала Кэти недовольный голос Малькольма.

– Привет, Люси. Вижу, у тебя сегодня много гостей.

– Они – мои друзья, – гордо ответила девочка. Общение с Эльзой явно не пошло ей на пользу. В этот момент на крыльцо вышел Франко.

Оказывается, и он стал новым другом Люси. С ним у Кэти были такие же враждебные отношения, как и с Эльзой. «Да, силы явно неравны. Надо отступать, не теряя достоинства», – подумала Кэти.

- Здравствуй – обратился к ней Франко – Я слышал, твои родители не чураются магии. Покажи, чему они тебя научили.
- Продемонстрируй лучше, чему тебя научили твои, – недовольно ответила Кэти.
- Я могу постоять за себя и не трушу, как некоторые!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.